

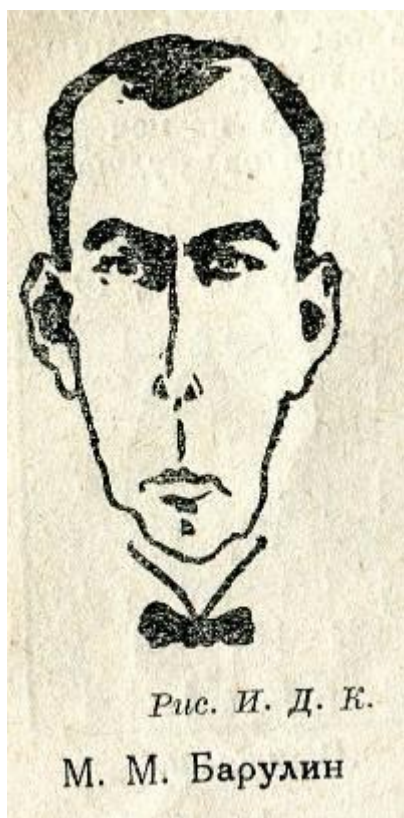

Михаил Михайлович Барулин ([19 октября 1897](#), [Москва](#) — [23 мая 1943](#), там же) — [советский шахматный композитор](#), мастер спорта СССР ([1934](#)).

Инженер-химик. Журналист. Редактор отделов задач газеты «64» ([1935—1941](#)) и журнала «Шахматы в СССР» ([1938—1941](#)). Секретарь Центральной комиссии по шахматной композиции при Всесоюзной шахматной секции ([1932—1941](#)).

С [1923](#) составил 250 задач, преимущественно [двухходовки](#). Открыл ряд новых тем, которые способствовали развитию двухходовки: [белые комбинации](#) ([1927](#)), защита из группы линейных тем, носящая имя Барулина, комбинации в попытках на матующем ходу ([1930](#)) и другие. Необоснованно репрессирован: реабилитирован посмертно.

<p>М. БАРУЛИН “III problema” 1 приз 1932</p>		<p>1. ♖d5 (2. ♜c3#), 1. ... ♜d7 2. ♖fe3#; 1. ... ♜e4 2. ♖de3#; 1. ... ♜:d5 2. ♖d6#; 1. ... ♜b5 2. ♖b6#;</p>
#2	9+6	

Дружеский шарж на выдающегося мастера – из сборников «Задачи и этюды». И.Д.К. – инициалы Израиля Каценеленбогена.

Михаил Барулин, как и его безвременно ушедший соратник Леонид Исаев, был одним из самых оригинальных композиторов, работавших в популярнейшем двухходовом жанре. В 1934-м в числе первых удостоивается звания мастера – наряду с Троицким, Куббелем и Гуляевым. Кстати, до войны еще только двое советских композиторов возводятся в мастерский ранг – Александр Гербстман (в 1935-м) и Владимир Корольков (в 1938). Насколько трудно было тогда получить это звание, можно судить по тому, что его не присвоили даже победителю Всесоюзного первенства 1929 года в разделе двухходовок Евгению Умнову (присвоят много позднее – в 1975-м).

С. ТКАЧЕНКО:

Шел 1936 год. В кремлевских инкубаторах высиживался план нового витка кровавых репрессий, несколько поутихших в 1933–35 годах. Для этой цели ой как нужно было раскрутить образ коварного врага, мешающего «победному шествию трудового народа». И идеологическая машина поработала на славу! По взмаху дирижерской палочки Сталина в прессе стали появляться статьи соответствующего содержания.

Не избежала гонений и, казалось бы, безобидная и аполитичная шахматная композиция, а точнее – ее задачная ветка. Так, в мартовском номере журнала «Шахматы в СССР» за авторством М.Ботвинника и Л.Спокойного появилась статья «Сумбур в композиции». Назвав задачную композицию «формалистическим трюкачеством», авторы призвали советских проблемистов одуматься и «сделать крутой поворот в сторону шахматной

партии». На этот идеологический заказ ответил ошелюмованный в статье известный шахматный проблемист Михаил Барулин. Его возражение называлось «Сумбур в мыслях». С тонкостями этой словесной дуэли я и хочу вас познакомить, дорогие читатели. В отличие от статьи «Сумбур в композиции», опубликованной Ботвинником в его масштабном труде «Аналитические и критические работы. Статьи и воспоминания» (Москва, 1987), ответный выпад Барулина «Сумбур в мыслях» практически неизвестен широкому кругу читателей.

Итак, первое слово авторскому тандему:

М.М.Ботвинник, Л.Ф.Спокойный

*«По производству ходиков советские часовые фабрики удерживают первое место в мире»
(Из фельетона М.Кольцова)*

«Сумбур в композиции»

Время от времени на страницах нашей печати появляются статьи, в которых идеологи задачной композиции пытаются в сотый раз пережевывать старую, всем давно набившую оскомину, тему о колоссальном значении задачной композиции и о тех несправедливостях, которые ей чинят шахматные организации. Не страдая излишней скромностью, «вожди от задачной композиции» усиленно набивают себе цену, расхваливая себя, как советских композиторов: «ни в одной стране», «советская школа», «первая в мире» и т.д. Если случается встретить возражения на подобную статью, то они принадлежат композиторам другого города или лагеря и сводятся к тем же самым перепевам, не затрагивающим, однако, суть дела.

Между тем, давно наступило время пересмотреть «идеологические» позиции наших композиторов и указать им на их заблуждения и ошибки. Вначале целесообразно заняться этим шахматистам-практикам, которые не погрязли еще в тине «продолженных защит» и «комбинаций в попытке», и поэтому могут беспристрастно подойти к оценке современных задачных идей. Ведь не напрасно утверждает т. Барулин («64», 1935, № 11), что шахматная композиция «родная сестра» практической партии; так кому же, как не брату, поучать родную сестру, если она сбилась с правильного пути?

Но дело в том, что мы, шахматисты-практики, считаем, что современная задачная композиция состоит не в столь близком родстве с шахматной партией. Этюд не теряет тесной связи с практической партией, он действительно приносит большую пользу практику; задачная же композиция в известной своей части с каждым годом все дальше и дальше отходит от нее, и связь ее с шахматной партией с точки зрения идейного содержания в настоящее время более чем эфемерна.

Основное в шахматах – практическая игра. Все остальное: теория дебютов, задача, этюд – играют подчиненную роль, и нам нужны лишь,

поскольку они помогают развитию практической игры. Шахматная задача исторически выросла из практической партии, все больший отход ее в сторону отвлеченного творчества делает ее существование с точки зрения шахматиста-практика **простоненужным**.

Композиторы пытаются утверждать, что современная задачная композиция учит «по-настоящему разбирать сложные позиции, ценить материал, знать доску и силу отдельных фигур, приобретать точность анализа и, наконец, понимать шахматную красоту» (Барулин). Всему этому современная задачная композиция вовсе не учит.

Что ждет шахматист-практик от задачи? Во-первых, он ищет в ней ярко выраженную идею, напоминающую ему идеи практической партии. Во-вторых, он хочет, чтобы эта идея была бы замаскированной и трудно находимой и, в-третьих, чтобы эта идея была бы художественно выражена.

Вместо всего этого композиторы преподносят ему позиции, по идеям ничего общего не имеющие с партией, а в некоторых случаях (сказочные шахматы) составленные даже не по правилам шахматной игры. «Через композицию, – говорит Барулин, – шахматист вводится в новый мир шахматных идей и комбинаций, которые он в практической партии **никогда** не встретит». Вот в чем дело! Композиторы разрабатывают идеи, не встречающиеся в практике шахматиста, совершенно игнорируют его требования, а после этого удивляются, что задачами мало интересуются...

Что касается трудности решения, то вопрос сводится к знанию некоторых технических приемов, которые позволяют без всякого труда разгадать механизм задачи.

Характерно, что задачная композиция вполне сознательно встала на этот путь «наименьшего сопротивления» по сравнению с тем, который ставило перед ней идейное сближение с практической партией. Именно этим «наименьшим сопротивлением», по-видимому, объясняется пристрастие наших композиторов к двухходовкам, а не к трехходовкам, обнимающим более широкий диапазон идей, но технически труднее осуществимым.

Спросите квалифицированных шахматистов, почему они скептически относятся к композиции, и вы получите приблизительно такой же ответ, какой нам дал один ленинградский мастер: «В кривое зеркало можно смотреть один-два раза, не больше».

Соль вопроса, конечно, заключается не в наивных попытках композиторов оправдать свое существование. Все современное течение в композиции, в первую очередь в двухходовке, которая с исключительным вниманием насаждается советскими композиторами, может быть определено двумя словами – **«формалистическое трюкачество»**. Надуманные идеи, совершенно не связанные с практической партией, голые технические

приемы, построенные на искусственном движении фигур, вычурные неестественные построения – вот что характеризует современную двухходовку. Те же идеи пытаются перенести на трехходовку, а «сказочные шахматы» являются, так сказать, квинтэссенцией сумбура в композиции.

Весь этот багаж мы получили с Запада. Спрос вызывает предложение, и ни для кого не секрет, что наши композиторы очень равнодушны к своим успехам в заграничных конкурсах. То, что Исаев усовершенствовал ту или другую тему, а Барулин разработал «белые комбинации», не делает еще советской шахматной школы, и в этом утверждении заключается еще одно принципиальное заблуждение наших композиторов.

Мы не собираемся умалять, но считаем нужным и не преувеличивать достижения наших композиторов. Хвастливые, но глубоко ошибочные заявления вроде того, что «половина нашей многомиллионной (?) армии шахматистов пришла к шахматам через газетную диаграмму», относим к числу тех, одно из которых служит эпиграфом нашей статьи.

Наши выводы сводятся к следующему: советская задачная композиция, вопреки утверждениям буржуазных идеологов и их последователей в СССР, должна сделать крутой поворот в сторону шахматной партии. Только при сближении идей задачной композиции с практической партией она может рассчитывать на соответствующее нашему движению распространение. Технические и творческие ресурсы наших лучших композиторов достаточно хорошо известны, чтобы сомневаться в возможности выполнения поставленного перед ними требования. Дело самих композиторов определить идейные и художественные рамки, в которых они могут работать, шахматисты же практики всегда смогут дать достаточно объективную оценку достижений в борьбе за новое направление.

Во всяком случае, наступил момент, когда **формализму в задачной композиции** должна быть объявлена беспощадная война, как это сделано уже на фронте искусства.

Ответ не заставил себя ждать:

□
М.М.Барулин

«Сумбур в мыслях»

Проблема взаимоотношения шахматной партии и задачи привлекла к себе внимание гг. Ботвинника и Спокойного, опубликовавших в журнале «Шахматы в СССР» № 3 статью принципиального порядка.

Смысл и существо комбинаций в шахматной задаче сводится к выражению заранее намеченной идеи, к разработке шахматных идей, вытекающих не из партии, а из существа шахматных законов и правил. Проблемист исходит из теоретической их возможности и воплощает эти комбинации в своих произведениях.

В партии главное – это борьба. Ценность самой комбинации, как таковой, весьма относительна. Шахматист всегда предпочтет красивой комбинации на ничью «некрасивый» выигрыш «тихой сапой».

Задачные комбинации встречаются в партиях очень редко, как исключение. Почему? Потому, что там сидят два «проблемиста» один против другого. Они работают одновременно на одной доске, причем один создает комбинацию, а другой ее разрушает. В этом смысл самой шахматной игры, вся прелесть и увлекательность борьбы в шахматах.

*В композиции дело обстоит **совершенно иначе**. Здесь один работает и за белых, и за черных. Дать не любой мат, а дать его в строго определенных формах, в строго логической последовательности ходов – к этому стремится эта воля, эта мысль. Поэтому здесь комбинации получаются совсем другие – и по содержанию, и по смыслу. У проблемиста свой взгляд и на красоту замысла и позиции, свое понимание экономии, свое толкование стратегических и логических идей.*

*Подчиненные единой воле композитора, шахматные фигуры (белые и черные) выявили огромную комбинационную силу. Оказалось возможным создание множества новых комбинаций – таких, которые в практической партии никогда бы не встретились. С этого момента только и началась такая работа в области составления задач и этюдов, которую смело уже можно назвать работой **творческой**.*

*Что в основном характеризует творческую работу по составлению задач? Ответ здесь может быть совершенно четкий – поиски новых комбинаций, которые возможны на шахматной доске в результате взаимодействия фигур (белых и черных), действующих по установленным в практической партии законам. Современная классическая задача (не «сказочные шахматы») признаёт и условность начальной позиции практической партии и в своих построениях **теоретически** всегда исходит от нее.*

*Существо творческой работы проблемиста в том и состоит, чтобы **искать новое** и это новое выразить в экономической и художественной форме. Композиция имеет свои собственные законы логического и художественного порядка, определившиеся в результате многовекового исторического пути. **И если в практической игре шахматист ищет разрешения проблем шахматной борьбы, задачная композиция занята разработкой проблем шахматных комбинаций. Нельзя путать этих понятий.***

Установив эти бесспорные положения, мы можем обратиться к статье гг. Ботвинника и Спокойного и констатировать для начала их полную «беззаботность» по части доказательства своего, якобы принципиального взгляда на шахматное искусство. Авторы исходят из того, что основное в шахматах – партия, а все прочее допустимо лишь постольку, поскольку служит ей. На чем же базируется эта грозная позиция? На том наивном утверждении, что задача возникла из партии.

Однако новые отрасли спорта или искусства не всегда живут только по указке своего «родителя». Они естественно начинают развиваться по новым, своим законам, и это нужно приветствовать. Было бы смешно, если бы футболисты и волейболисты затеяли спор о том, какой вид игры в мяч возник раньше и кто кому должен подчиняться. А гг. Ботвинник и Спокойный обсуждают аналогичный вопрос с сугубой серьезностью.

Как бы посмотрел г. Ботвинник на игрока пятой категории, который стал бы с видом знатока рассуждать о творчестве Ласкера, Эйве и самого Ботвинника и, скажем, требовать «беспощадной борьбы» с разными «заумными» новоиндийскими партиями, меранской защитой и т.п. Тов. Ботвинник, вероятно, посмеялся бы над таким чудачком. Но авторы рассматриваемой нами статьи без улыбки анализируют задачные произведения, обнаруживают в них «сумбур», «формализм» и прочие смертные грехи и требуют от проблемистов таких задач, **которых вообще нет и быть не может.**

Кстати, почему задача Л.И.Куббеля оказалась для авторов статьи приемлемей задачи Барулина? Какое отношение имеет куббелевская задача (три так называемых правильных мата, стандартная жертва ферзя) к шахматной партии? В чем здесь родство задачи с практической партией?

Авторы явно противоречат сами себе. Кроме того – **нельзя сравнивать двухходовку с трехходовкой, как нельзя сравнивать ферзевый дебют с пешечным эндшпилем.**

Что же пропагандируют авторы статьи? Они ратуют за то, чтобы проблемисты разрабатывали только такие идеи и комбинации, которые могут встретиться в шахматной игре, т.е. занялись бы составлением только так называемых учебных задач и этюдов. Но ведь это работа чисто педагогического порядка, а не творческого! Это же совсем не то, что называется шахматной композицией.

Казалось бы, совсем не так трудно понять столь простую истину, но тут выступает на сцену своеобразное шахчванство. Как смеют какие-то проблемисты создавать такие произведения, которые непонятны шахматным игрокам? Как смеют они говорить о ценности шахматной задачи, не заручившись разрешением от практических игроков? И на головы непокорных проблемистов обрушиваются громы и молнии. Они и «набивают себе цену», и чуть ли не спекулируют на шахматном движении. На подобные выпады просто не хочется отвечать. Во всяком случае, факт остается фактом: советские проблемисты внесли в современную композицию не меньше, чем советские мастера-практики в современную шахматную партию.

Что же касается остроты по поводу ходиков, то она была бы забавной, если не была бы одновременно и по задаче, и по шахматной партии. Если в общем плане культуры и искусства шахматная композиция только ходики,

то ведь и шахматная партия не больше, чем будильник. Чванство здесь явно неуместно.

Нам кажется, что все «недоразумения» между проблемистами и практиками происходят от того, что последние выдвигают обычно в корне неверную концепцию природы и существа шахматного искусства вообще. И вследствие этого приходят к глубоко ошибочным выводам.

Когда пытаются **без оговорок** утверждать, что шахматы – искусство или что шахматы – наука, то впадают в глубокую, принципиальную ошибку.

Сущность **шахматного искусства** весьма отлична от других видов искусства.

Искусство имеет своим предметом природу и человека. Существует выражение, которое, по нашему мнению, дает достаточно яркое выражение этому положению: «искусство – это итог, который **воображение** подводит **природе**». Само собой разумеется, что материалом искусства является жизнь человеческой личности в ее социальном бытии.

Шахматы и шахматное искусство – целиком плод человеческой фантазии, и потому оно отвлеченно по своей природе. Оно – «насквозь формально», как правильно утверждает И.Д.Каценеленбоген в своем предисловии к книге «300 задач».

Поэтому грубейшей ошибкой является механическое перенесение в шахматы тех определений, которые применяются к искусству в его многообразных проявлениях. А авторы статьи именно так и поступают.

Искание какого-то особого шахматного реализма в канонах практической партии – это явно обывательское представление, обывательское определение. Филистерством звучит оно.

Подлинная природа шахмат – свободное движение человеческой фантазии в пределах 64 клеток и ведущих на них свою фантастическую жизнь фигур. И если уж говорить о реализме в шахматах, то он и заключается в этом свободном движении фантазии. Никаких других «измов», перенесенных механически из других областей подлинного искусства!

Шахматы, конечно – и не наука. Законы движения шахматных фигур – что в них общего с законами физики, химии и других наук? Ровно ничего. У Бильгера есть целые таблицы вариантов ферзевого гамбита. Однако стоит только в начальной позиции партии переставить коня и слона местами (как это предлагает Капабланка) – и вся ценность этой «науки» будет сведена к нулю.

Что все это значит? А значит это, что в шахматах нужны свои мерки, свои определения. Шахматное искусство имеет свои законы развития, вытекающие из его условной, отвлеченной природы.

Есть еще один вопрос, который авторы статьи обошли молчанием, но который имеет существенное значение для нашей дискуссии. Это вопрос об общественной значимости разных видов шахматного искусства. Споры нет, шахматная партия получила гораздо большее развитие, чем композиция. Мы далеки от мысли в какой-то степени умалять общественно-культурное значение шахматной партии. Но мы имеем право требовать, чтобы шахматные организации уделяли часть своего внимания и развитию композиции, как равноправной ветви нашего движения, и чтобы композицию не третировали свысока. То обстоятельство, что нас сравнительного немного, никого не должно смущать.

Мы вправе требовать, чтобы шахматные организации уделяли нам свое внимание потому, что шахматная композиция является у нас мощным орудием привлечения к шахматному искусству новых кадров, потому, что само занятие композицией интеллектуально развивает человека, как и всякое творчество художественного порядка.

*Мы по-прежнему считаем, что **культура шахмат обнимает собой две самостоятельные области – шахматную партию и шахматную композицию.** И лозунг культурности шахматиста понимаем, естественно, в соответствии с этим определением.*

Если бы гг. Ботвинник и Спокойный поменьше щеголяли взятыми напрокат «измами», то, мы уверены, в их статье было бы меньше сумбура и необоснованных претензий.

В публичной дискуссии последнее слово осталось за коллективным автором:
М.Ботвинник, Л.Спокойный

О статье т. Барулина

Нет никакого сомнения, что читатели наши сами разберутся – где же действительно имеется сумбур: в композиции или, как думает т. Барулин, в мыслях гг. Ботвинника и Спокойного.

Тов. Барулин возмущен претензиями авторов статьи о композиции. Его возмущение базируется на абсолютном непонимании содержания статьи. Авторы не требовали упразднения ни шахматной композиции, ни даже двухходовок. Они всего только указали на то, что в СССР, где всякое искусство существует для масс, в частности и задачная композиция должна считаться с интересами массового шахматиста. Массовый же шахматист – это, конечно, прежде всего шахматист-практик, интересующийся и квалифицирующийся в шахматной игре.

Вольно, конечно, т. Барулину с высот его задачного Олимпа возмущаться чванством шахматистов-практиков. Однако если т. Барулин мнит свою задачную деятельность абсолютно автономной и самодовлеющей, то тем хуже не для массового шахматного движения и не для шахматной композиции, которая будет развиваться именно по линии связи с

шахматной партией; тем хуже только для т. Барулина и ему подобных композиторов, неизвестно кому нужных. Теория искусства для искусства в СССР решительно осуждена и нашим задачным композиторам это хорошо известно.

Мы полагаем, что Исполбюро Всесоюзной шахсекции скажет по всем этим вопросам свое веское слово, которое определит дальнейшее развитие нашей этюдной и задачей композиции («Шахматы в СССР» № 7, 1936).

Что же было потом? А потом наступил 1937 год, и маховик массовых репрессий, смазанный идеологическим солидолом, завращался с бешеной скоростью... На орехи досталось и композиторской братии. Собравшийся 27 января 1937 года пленум Исполбюро Всесоюзной шахсекции специальным постановлением «За перестройку работы советских композиторов» однозначно дал понять, что композиторы, разделяющие взгляды Барулина, чужды советскому шахматному движению. Вот несколько пассажей из этой передовицы, опубликованной в журнале «Шахматы в СССР» (№ 3, 1937):

«Признать, что основным недостатком современной советской шахматной композиции (в особенности задачей) является не только развитие ее в направлении, граничащем с полным отрывом от практической шахматной партии, но и все более и более возрастающий ее отход от шахматной игры в целом». «Категорически необходимо, чтобы шахматные композиторы в своей творческой работе не отгораживались от массы шахматистов-практиков и решателей, но, наоборот, свою работу строили и проводили с учетом запросов и интересов этой массы шахматистов, так как только в этом случае шахматная композиция станет единой частью советского шахматного движения». И под занавес – серьезное предупреждение непокорным: «С трюкачеством, безыдейностью и пренебрежением к запросам шахматных масс должно быть раз и навсегда покончено».

Сегодня уже можно посмеяться над желанием шахматного начальства сделать композицию безропотной прислужницей практических нужд. Грозный окрик «Служить!!!», пожалуй, даже вызовет смехок у разбалованного демократическими вольностями читателя... В 1987 году Ботвинник, обычно последовательный в своих поступках, поменял свое отношение к задачной композиции и рассказал историю написания заказной работы:

«Статья “Сумбур в композиции” написана вместе с профессором Л.Ф.Спокойным. Он преподавал философию, был тогда редактором журнала «Шахматы в СССР», однако шахматистом слабым. Поэтому шахматную часть статьи написал я, идеологическую – Спокойный. Вследствие этого читатель найдет здесь то, чего в других моих статьях нет. Уже даже название имело «политическую» окраску: незадолго до этого в «Правде» была опубликована статья «Сумбур вместо музыки» с малооправданной критикой в адрес великого нашего музыканта Д.Шостаковича. Впрочем, должен оговориться, что критика в обсуждаемой статье о композиции и сейчас представляется мне вполне принципиальной и обоснованной. Единственное, что я сейчас не могу признать, –

отрицательное отношение к задачной композиции. Хотя задачи в известной степени независимы от практической игры, они, несомненно, способствуют популярности шахмат».

Сейчас легко упрекнуть Ботвинника за то, что он стал соавтором идеологической "заказухи"... Да, гроссмейстеры политических интриг умело сыграли на нелюбви будущего шахматного короля к оригинальным задачным идеям, не лежавшим в плоскости его практических интересов.

Но пусть у вас не сложится ложное представление о Ботвиннике как о безропотном исполнителе "партийной воли". В кровавом 1937 году Ботвинник не побоялся спрятать у себя архив расстрелянного этюдиста Сергея Каминера. В предисловии к книге "Избранные этюды С.Каминера и М.Либуркина" он вспоминает: "Была осень 1937 года. Я играл в Москве матч на первенство СССР с Г.Левенфишем. Неожиданный телефонный звонок, и в номер гостиницы "Националь" является Сережа Каминер. "Здесь в тетради, - говорит он, - все мои этюды, некоторые еще недоработанные. Возьмите их себе. Боюсь, что у меня они пропадут". Его предчувствие оправдалось. Долго я хранил эту тетрадь. В 50-е годы я известил наших композиторов, что тетрадь Каминера у меня".

Думаю, Ботвиннику ой как не поздоровилось бы, узнай власть, что он прячет у себя архив расстрелянного "врага народа"...

А что же Барулин? Очевидно, утешившись восточной мудростью про собаку и караван, задачный маэстро продолжал придумывать классные композиции, писать статьи и присуждать конкурсы составления. В 1938-м он даже возглавил задачный отдел в шельмующем его журнале «Шахматы в СССР», продолжая одновременно курировать такой же отдел в газете «64». Но вскоре «творческой независимости» Барулина пришел конец... В ночь на 13 ноября 1941 года его арестовали, обвинив в антисоветской деятельности, а через год – в 1942-м самобытный шахматный поэт и талантливый журналист значился уже в «Книге мертвых»...

Какова была реакция ведущих проблемистов страны на идеологическую расправу? А... никакой! Нет-нет, дорогие читатели, при каждом удобном случае советские проблемисты демонстрировали верность идеям и постановлениям шахматного пленума (осуждать их за это у меня не поднимется рука), но продолжали творить «по-старинке»... придумывая оригинальные замыслы! Комизм ситуации был в том, что не существовало реального механизма контроля на соответствие задачного продукта «нуждам и чаяниям» массового шахматиста. Со «сказочным» жанром было проще – запретить публикацию и точка! А вот как проконтролировать строптивых задачников, творящих по правилам шахматной игры?.. Дело дошло до того, что полезность задачи стали определять ее внешней формой – радуется ли позиция глаз или наоборот. Так, не вникая в содержание замысла, были не рекомендованы для «массового пользования» задачи с «романтическими» построениями. Редакторы газетных шахматных колонок из всего задачного

богатства выбирали преимущественно миниатюры (задачи с числом фигур не более семи).

Прошу понять меня правильно – я ничего не имею против миниатюрных построений. Напротив! Дико люблю эти малофигурные композиции (при наличии, естественно, достойного содержания!). Но ведь это только капля из композиторского океана. Кому в голову придет судить об обитателях Черного моря, обсуждая только вкусовые качества знаменитого черноморского бычка...

«Тамбовская правда», 1935:

Результаты всесоюзного конкурса #2 Воронежского облшахкомитета и редакции газеты «Тамбовская правда» 1935 года.

Основная задача конкурса – показать достижения советской двухходовой шахматной задачи и на их общем фоне творческий рост композиторов области – удалась блестяще. В конкурсе приняло участие 30 лучших советских композиторов, из них 8 – нашей области.

Участие мастеров двухходовки А.Гуляева (Москва), Л.Куббеля (Ленинград), и таких крупных имён как М.Адабашева (Таганрог), В.Брона (Харьков), В.Лебедева (Ленинград), В. и С. Пименовых, Г.Баева (Ростов на Дону), Р.Кофмана, З.Бирнова, С.Крючкова (Москва), вновь вернувшегося в композицию, что особенно отрадно отметить Е.Куббеля (Ленинград), А.Батурина (Воронеж), Я.Каменецкого (Минск) и другого талантливого композиторского молодняка – сделало конкурс широким показом достижений советской двухходовки и вполне оправдало звание одного из лучших всесоюзных конкурсов.

Воронежскую область представляли композиторы А.Львов, В.Бурашников, В.Литвинов, М.Мельников, В.Медведев, В.Лукин, В.Жуковский, которые во главе с бессменным руководителем проблем движения области А.Батуриным дали на конкурс около 20 задач. Нельзя не отметить неучастие в конкурсе в следствие перегруженности С.П.Шабуню (Тамбов), сделавшее неполным показ достижений композиторов нашей области в борьбе за первенство в конкурсе.

Все вместе авторы дали рекордное количество – 127 задач, из которых исключены из конкурса арбитром по разным причинам – 17.

Распределение отличий.

Облшахкомитетом и редакцией газеты «Тамбовская правда» в качестве премий были выделены: 1 премия – 200 рублей, 2 премия – 150 рублей, 3 премия – 110 рублей, 4 премия – 95 рублей, 5 премия – 85 рублей, 6 премия – 65 рублей, 7 премия – 50 рублей, и специальный приз для

композиторов Воронежской области за лучшую задачу. Кроме того, все участники получившие отличия, премируются почётными дипломами. Мастером М.Барулиным – арбитром нашего конкурса, отличия распределены следующим образом.

Далее следует отчёт М.Барулина, комментарии - в графе "Comments":

1-2 премия (на равных), А.Гуляев - <http://www.yacpdb.org/?id=9584>
1-2 премия (на равных), М.Адабашев - <http://www.yacpdb.org/?id=29551>
3 премия, В.Брон - <http://www.yacpdb.org/?id=32108>
4 премия, В.Лебедев - <http://www.yacpdb.org/?id=330935>
5-6 премии (на равных), А.Гуляев - <http://www.yacpdb.org/?id=330936>
5-6 премии (на равных), Р.Кофман - <http://www.yacpdb.org/?id=330937>
7 премия и специальный приз, Ал.Батулин (Воронеж) - <http://www.yacpdb.org/?id=236393>
1 поч. отзыв, Ал.Батулин - <http://www.yacpdb.org/?id=335991>
2 поч. отзыв, Л.Куббель - <http://www.yacpdb.org/?id=343949>
3 поч. отзыв, А.Ротинян - <http://www.yacpdb.org/?id=336645>
4 поч. отзыв, М.Адабашев - <http://www.yacpdb.org/index.php?id=343950>
5 поч. отзыв, З.Бирнов - <http://www.yacpdb.org/?id=343951>
6 поч. отзыв, З.Бирнов - <http://www.yacpdb.org/index.php?id=343952> .
1 пох. отзыв - В. и С. Пименовы, 2 пох. отзыв – А.Доборджгинидзе, 3 пох. отзыв – И.Гегельский (Донбасс), 4-5 пох. отзыв (на равных) - З.Бирнов, 4-5 пох. отзыв (на равных) - С.Крючков, 6 пох. отзыв - В.Бурашников (Семилуки)* - *Сведения о самих задачах, отмеченных похвальными отзывами, архивная справка – не содержит.*

Далее следует обращение арбитра М.Барулина:

Подводя итоги общего раздела конкурса, нельзя не отметить его незаурядного качественного и количественного успеха. Эта, звучащая несколько шаблонно, оценка, однако, вполне уместна и является единственно возможной характеристикой закончившегося конкурса. Свыше 120 произведений 30 авторов, среди которых мы встречаем лучших мастеров композиции, являются достаточно убедительным для вывода о количественном его успехе. Самым основным является то, что этот конкурс с редкой подчёркнутостью выявил жизненность новейшего направления в двухходовке, продемонстрировал глубокую содержательность новых идей, их богатейшую творческую насыщенность.

Сложность конструкции задачи, глубина замысла какая-то особая закономерность в движении фигур, в тематических вариантах эти законы новой школы, нашли в отмеченных отличиями задачах конкурса яркое и художественное воплощение.

С этой точки зрения конкурс надо признать в своём роде историческим. Победа нового направления очевидна. Конкурс показал, что, идя по этому пути, мы сможем завоевать в нашем искусстве новые творческие высоты. Только идя по этому пути, мы сможем закрепить ведущую роль советской шахматной композиции, какую она завоевала оригинальностью и самобытностью своей тематики. – Михаил Барулин.

Присуждение вступает в силу через 2 месяца после опубликования. -
С.П.Шабуню, А.А.Батурин.

Не подписав ничего (М.М.Барулин)

Очень часто «личная» сторона биографии деятелей науки и искусства умещается в нескольких словах: родился... учился... женился... умер. Так случается потому, что результаты всей их жизни — научные открытия или произведения искусства.

Сказанное относится и к выдающемуся проблемисту Михаилу Михайловичу Барулину, чья жизнь до самой роковой черты не содержала заметных эксцессов. Он родился в 1897 году в семье фабриканта. Глава семьи Михаил Никитич, как говорили, был ученым-самородком, сделавшим несколько изобретений в области прикладной химии. И казалось, что единственный его сын Михаил пойдет по стопам отца. По окончании коммерческого училища М.М.Барулин получил специальность химика, затем работал техническим директором фабрики. Быть может, он сделал бы заметную карьеру на ниве технического изобретательства, если бы не шахматная композиция, где его изобретательность воистину не знала границ.

В представлении любителей шахмат М.М.Барулин — «чистый» проблемист. Тем интереснее было обнаружить в старом журнале «64» за 1924 год фрагмент его биографии шахматиста-практика. В том году Михаил Барулин участвовал в турнире рабочих кружков, проходившем одновременно с Третьим Всесоюзным шахматным съездом. В предварительной группе он уверенно занял первое место с результатом 8 из 9 и вышел в финал, где разделил 1–3-е места. При этом ни на предварительной, ни на заключительной стадии будущий крупнейший составитель задач не проиграл не одной партии. Какого уровня были его победы — можно судить по двум партиям, попавшим в печать.

Голландская защита A04

М.Барулин (Москва) —

Крестовский (Киев)

Турнир рабочих кружков
Москва, 1924

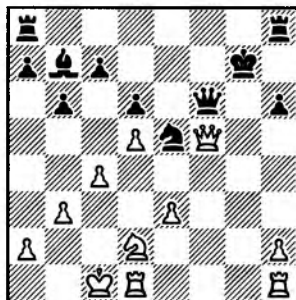
1. ♖f3 f5 2. b3 d6 3. d4 g6 4. c4
 ♙g7 5. ♗b2 ♖bd7 6. ♖bd2 ♗gf6
 7. ♗c2 b6. Более логичным выглядит план с 7...e6 и 6...♗e7.

8.e3. Энергичнее 8.e4 с напрашивающимся вариантом 8...fe 9. d:d:e4 e:b7 10. e:g5 e:f8 11.d6 и далее, пустив коня по маршруту e:f3-d4-e6, белые получают ясный перевес.

8...h6 9. e:d3 e:b7 10. e:h4 e:f8 11.d5 e:f7 12.g4? И здесь после 12.e4 у белых явно лучшая позиция.

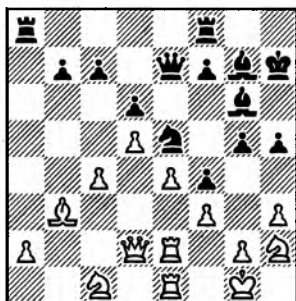
12... e:g4 13. e:g7 e:g7 14. e:g6 e:g6 15. e:f5 e:4e5 16.f4 e6 17.0-0-0 ef 18.fe e:e5 19. e:f5 e:f6? Решающая ошибка. Между тем после 19... e:g6 20. e:hf1 e:e8! черные имели шансы отбить атаку, сохранив материальный перевес. Теперь же белые устремляются к победе почти беспрепятственно.

20. e:hg1+ e:g6 21. e:d7+ e:g8 22. e:df1 e:c3+ 23. e:d1 e:h7 24. e:g6+ e:h8 25. e:f5 e:e7 26. e:h6+ e:g8 27. e:g1+ e:g7 28. e:e6+. Черные сдались.

В финальной стадии турнира рабочих кружков решающее значение приобрела партия М.Барулина с представителем Орла Б.Мунстером, которая после 35 хода белых пришла к положению:

Б.Мунстер (Орел) —
М.Барулин (Москва)

Вялотекущее позиционное маневрирование привело к по-

зиции с перевесом у черных, которые переходят к решительным действиям.

35...f5! 36.ef ♖:f5 37.♗h1?! Заслуживало внимания 37.♖c2!?! с идеей разменять своего плохого слона.

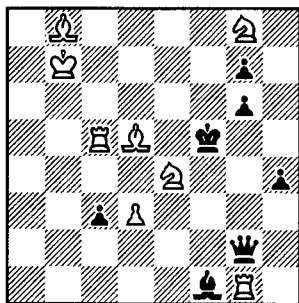
37...♗f6 38.♖f1 ♕h6 39.♖ef2 ♖g8 40.♖g1 g4! Черные осуществляют решающий прорыв.

41.fg hg 42.hg ♖:g4! 43.♕:g4 ♗h4+. Белые сдались ввиду неизбежного мата.

Когда игрались эти партии, первые задачи М.М.Барулина уже появились в печати. И вскоре композиция захватила его целиком. Период ученичества в его композиторском творчестве совершенно незаметен. Первая же двухходовка свидетельствует о зрелости составителя.

«Известия ВЦИК»

1923

Мат в 2 хода

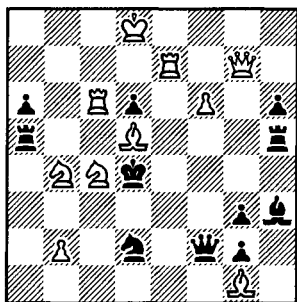
1. ♕g5! грозит 2. ♕f3x. Угроза проходит в варианте 1... ♗g4, так как из-за отступления короля оказывается связанным черный ферзь. На прямолинейное 1... ♗:d5+ следует 2. ♖:d5x (включилась белая ♖g1). В варианте 1... ♗b2+ используется развязывание белого слона — 2. ♕b3x.

Сам Михаил Михайлович писал о первой своей работе: «Вообще, в первом периоде своей композиторской деятельности я находился всецело под влиянием идей новоамериканской школы и лишь изредка давал произведения другого стиля. В дальнейшем же, как будет видно, «стандартизованные» идеи новоамериканцев перестали меня интересовать и все мое внимание устремилось на изыскание и исследование новых путей развития двухходовой задачи».

М.М.Барулин специализировался на двухходовках. Если композиция — «поэзия шахмат», то он — подлинный поэт двухходовки, вошедший в историю шахматной композиции как первооткрыватель нескольких новых тем, предвосхитивший во многом развитие двухходовки на годы. Среди 250 составленных М.М.Барулиным задач многие получили отличия на конкурсах. А первой была удостоена приза следующая:

«Известия ВЦИК»

1924, 4-й приз

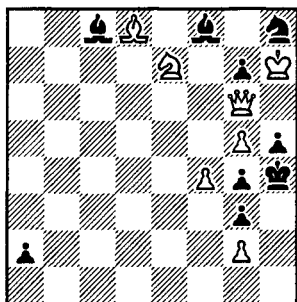
Мат в 2 хода

1. ♖e3! с угрозой 2. ♖d3x.
Эффектен вариант 1... ♗:f6+ 2.
♖e7x. Несколько дополнительных
вариантов: 1... ♕f5 2. f7x;
1... ♖:d5 2. ♕c2x; 1... ♖a3 2. ♗a7x.

Трехходовки М.М. Барулин
составлял редко и в основном в
ранний период творчества. Тем
не менее и в этом жанре у него
получались произведения, зас-
луживающие упоминания.

«Правда»

1926

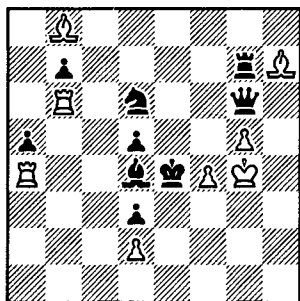
Мат в 3 хода

1. ♗b1! с угрозой 2. ♗h1x.
1... ab♗+ 2. g6. «В данной пози-
ции ферзь для белых является
лишней фигурой, и если бы
его не было, то мат достигался
бы в два хода. Ферзь должен
уйти с поля g6, и притом
именно на b1, угрожая матом
на h1 и сохраняя, таким обра-
зом, необходимое время для
хода пешки на g6. Любопытно,
что «молодой» черный ферзь
никак не может помешать бе-
лым в выполнении их плана, а
в известном смысле даже по-
могает им, вызывая ход пешки
на g6. В общем, однако, эта за-
дача является лишь забавным
пустячком, и составление ее
должно быть отнесено к «гре-
хам моей композиторской мо-
лодости». Между прочим, со-
ставив эту задачу, я продемон-
стрировал ее в одном из
московских шахматных круж-
ков. Группа шахматистов, ре-
шавших задачу, долго не могла
понять, зачем на a2 стоит чер-
ная пешка. Наконец, один из
них глубокомысленно заметил:
«Для меня лично ясно, что
черная пешка на a2 поставлена
только для того, чтобы белый
ферзь не мог пойти на b1 (с
угрозой 2. ♗h1x)». Все быстро с
ним согласились. Тут я заме-
тил присутствующим, что этот
ход ферзем как раз и решает

задачу» (Примечания М. М. Барулина).

«Правда»

1927, 3-й приз

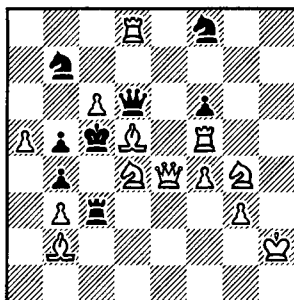
Мат в 3 хода

1. ♙a7! с угрозой 2. ♜:d4+ ; 1... ♜f5 2. ♜e6+ ; 1... ♜c4 2. ♜e6+ (2... ♜e5 3. ♜:e5x).

«Живую игру вносит конь, который, защищая своего короля, создает два механизма полусвязки, сам оставаясь связанным в обоих случаях на матующем ходе. Не питая особенной любви к составлению трехходовок, я удовольствовался в данном случае простым демонстрарованием своего замысла и не особенно заботился о художественности его обработки, которая, как мне самому ясно, неудовлетворительна» (Примечания М. М. Барулина).

«Шахматы»

1925, 2–3-й приз

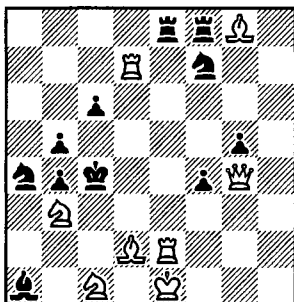

Мат в 2 хода

Одна из первых задач на тему перемены ответов на шах белому королю. В начальной позиции на 1... ♜c2+ следует прозаическое 2. ♚:c2x . Решает 1. ♚e7! цугцванг. Теперь на 1... ♜c2+ матует слон 2. ♘g2x . Другие варианты: 1... ♜f~ 2. ♜e6x ; 1... ♜e3 2. ♘e4x ; 1... ♜b~ 2. ♚a7x ; 1... ♚:e7 2. ♘e6x .

«64»

1926, 1-й приз

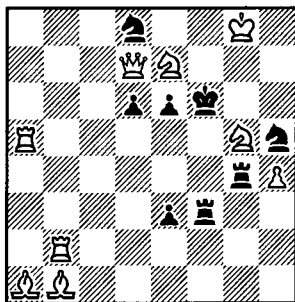

Мат в 2 хода

Задача на тему Говарда (название дано по имени ее первооткрывателя — американского композитора). Суть темы в том, что первым ходом связанная белая фигура развязывает черную фигуру, которая получает возможность парировать угрозу, но при этом развязывает фигуру белых, и она дает мат. В приведенной задаче следует **1. ♖e6!** с угрозой **2. ♜e2x**. Связанная белая ладья развязала черного коня; он отражает угрозу **1... ♘e5**, но при этом развязывает белую ладью, которая завершает решение **2. ♖:c6x**.

«Вечерние известия» (Одесса)

1929, 2-й приз

Мат в 2 хода

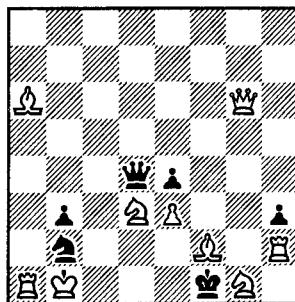
1. ♜:d6! с угрозой **2. ♘d5x**. Как всегда, интересны авторские комментарии М.М. Барулина: «В постоянных поисках новых механизмов я, путем чисто словесных «манипуляций» с терминами

связывания и развязывания, дошел до следующего парадокса: развязать несвязанную фигуру. Это оказалось, однако, вполне осуществимым. Защита черных в данной задаче как раз базируется на развязывании несвязанной черной фигуры (**♖f3**), имея в виду, что ей только — угрожает связка на матующем ходе». Тематические варианты: **1... ♖e4** **2. ♘:e4x** и **1... ♘f4** **2. ♖f5x**.

В 1927 году М.М. Барулин сделал одно из главных своих открытий в композиции, предложив оригинальную тему, которую назвал «белые комбинации». Сущность авторского замысла: комбинации, проводимые обычно в игре черных, осуществляются в ложных следах в игре белых. Первая задача на тему «белые комбинации» была опубликована в голландском журнале.

«Tijdschrift v.d. NSB»

1927

Мат в 2 хода

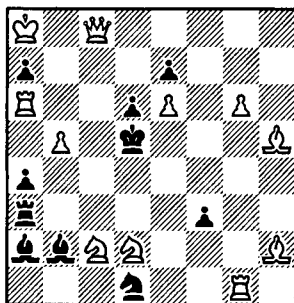
1. ♖f5! М. М. Барулин пишет: «Этой задачей я начал разработку идеи так называемых «белых комбинаций». Не вдаваясь в далекие исторические и теоретические экскурсы по поводу этой идеи, постараюсь объяснить читателю ее сущность на примерах, которые расположены здесь в порядке развития самой идеи. К белым комбинациям я подошел, исходя от комбинаций Гетгарта. Пытаясь изобрести какую-нибудь новую комбинацию, я напал на такую мысль: комбинации Гетгарта характеризуются, в частности, тем, что попытка решения задачи шахом не проходит вследствие того, что развязывается черная фигура, т.е. проходит комбинация развязывания. Но если так, то почему не заменить комбинацию развязывания какой-либо другой комбинацией, например, блокированием? Эту идею я и провел в данной задаче. Если сразу шах 1. ♖:b2?, то 1... ♗d3+ (единственная защита), и нет мата 2. ♘b2?!, так как клетка b2 оказывается заблокированной белым конем. Очевидно, что тут прошло белое блокирование — термин, впервые здесь примененный. Вариант 1... ♗d3+ 2. ♘b2x проходит затем в решении. Однако ввиду того, что по природе такой комбинации

блокирования последняя фиксируется только вторым ходом, вся сущность и характер этой попытки настолько разошлись с сущностью и характером комбинации Гетгарда, что для меня сразу стало очевидным, что здесь я напал на новую идею: возможность выражения в «иллюзорных» решениях самых разнообразных комбинаций, которые до сих пор проводились только в игре черных фигур (в том числе и наиболее сложных)».

Михаил Михайлович составил практически одновременно несколько задач на тему «белые комбинации». Наиболее сильное впечатление производит та, что получила приз на конкурсе «Шахматного листка».

«Шахматный листок»

1927, 2-й приз

Мат в 2 хода

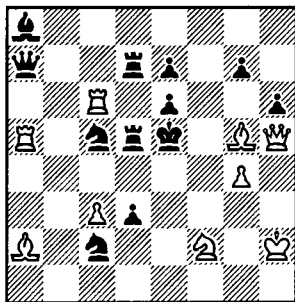
1. ♖a5! с угрозой 2.b6x. 1... ♗c3 2. ♖g5x; 1... ♗c3 2. ♗:f3x.

Ложные следы: 1. ♖g4? ♜c3! (2. ♜g5?) и 1. ♜g4? ♖c3! (2. ♖:f3?) образуют «белый Гримшоу», а ходы, опровергающие эти ложные следы — «черный Гримшоу».

М.М.Барулин писал, что «искал в белых комбинациях возможности художественного усложнения двухходовой задачи путем добавления к действительной игре иллюзорных решений». Одна из лучших задач М.М.Барулина на тему «белые комбинации» была помещена в 1930 году в голландском шахматном журнале.

«Tijdschrift v.d. NSB»

1930

Мат в 2 хода

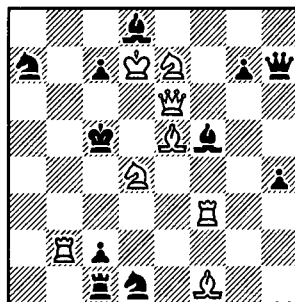
Чтобы создать угрозу ферзем по диагонали h2—e5, белым нужно освободить поле h2. Однако на 1. ♖h1? черные отвечают 1... ♜d4!, и не проходит 2. ♜:e6x, так как белая ладья с6

неожиданно оказывается связанной. При 1. ♖g1? ♜e4! под связку попадает белый конь и невозможно 2. ♜:d3x. Решает 1. ♜h4!, после чего связывание черных фигур из механизма полусвязки беспрепятственно используется белыми: 1... ♜d4 2. ♜:e6x; 1... ♜e4 2. ♜:d3x.

«Защита Барулина» — такое название закрепилось в композиции за другой его темой: в угрозе белые выключают действие одной из своих дальнобойных фигур на соседнее с черным королем поле; черные парируют угрозу выключением действия на то поле другой дальнобойной белой фигуры. Впервые «защита Барулина» была осуществлена в следующей задаче:

«Шахматы»

1928, 2-й приз

Мат в два хода

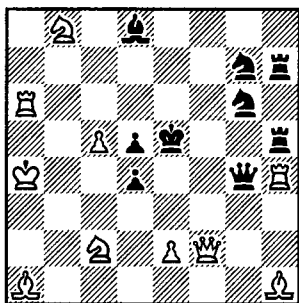
После 1. ♜f4! создается угроза 2. ♜b3x с отключением ладьи

от полей b4, b5, b6, так как они атакованы другими белыми фигурами. Защита черных основана на отключении белых фигур от тематических полей. 1...♙e4 (перекрывая действие ♜f4 на поле b4) 2. ♜c4x; 1...♙d3 (перекрывая действие ♙f1 на поле b5) 2. ♜d5x; 1...c6 (перекрывая действие ♜e6 на поле b6) 2. ♙d6x.

В 1929 году был организован первый всесоюзный чемпионат по композиции. В разделе двухходовок лучшей признали задачу М.М.Барулина на тему «защиты Барулина».

«Шахматный листок»

1929, 1-й приз

Мат в 2 хода

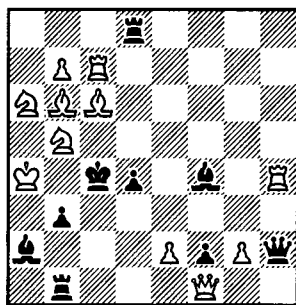
Защита Барулина представлена в сочетании с другими тактическими идеями. Вступление 1. ♙:d4! создает тематическую угрозу 2. ♙bc6x с использовани-

ем возможности выключения белой ладьи а6 от поля f6, контролируемого белым ферзем. Идеи защиты черных основаны на выключении белого ферзя от этого поля: 1... ♜f5 2. ♙d7x; 1... ♙f5 2. ♜e6x; 1... ♜f5 2. ♙f3x; 1... ♙f4 2. ♜e3x. 1... ♜e6 2. ♙dc6x; 1... ♙e7 2. ♜f6x.

В 1930 году М.М.Барулиным предложена тема «комбинации в попытках»: на матующем ходе из нескольких, казалось бы, равноценных продолжений к цели ведет лишь одно.

«Bristol Times»

1930

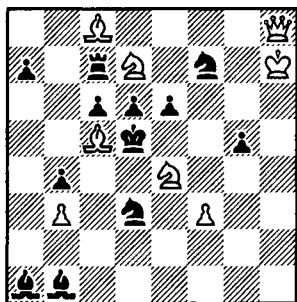
Мат в 2 хода

1. ♙a5! с угрозой 2. ♙a3x. 1...d3. Связан черный слон f4 и может матовать фронтальная батарея. У слона c6 две возможности открыть ладью, однако, ход 2. ♙e4? является попыткой из-за развязывания черного слона, решает только 2. ♙f3x. Аналогично

после **1... ♖c1** матует только **2.e3x**, но не **2.e4?** из-за развязывания черной пешки d4.

Для «комбинации в попытках» характерно, что тактический прием (в приведенной задаче — развязывание черной фигуры), опровергающий попытки белых, во всех идейных вариантах одинаков. В творчестве М.М.Барулина встречаются задачи, в которых момент выбора правильного хода определяется дополнительными защитительными моментами, заключенными в ходе черных.

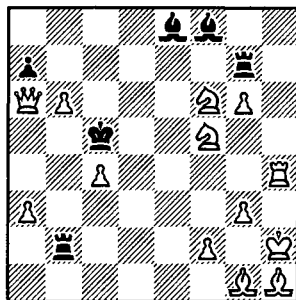
«30 дней»
1930

Мат в 2 хода

1. ♘a6! с угрозой **2. ♘c4x**. **1... ♘de5** **2. ♘df6x** (**2. ♘ef6?**) и **1... ♘fe5** **2. ♘ef6x** (**2. ♘df6?**). Выбор матующего белого коня в идейных вариантах определяется поочередным связыванием.

Конкурс Украинского СФК
1930, 1-й приз

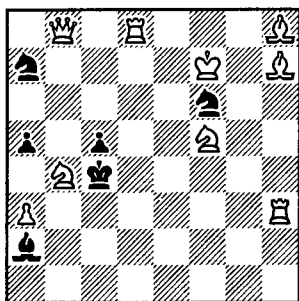
Мат в 2 хода

1.b7! с угрозой **2. ♗e4x**, отключая ладью и слона, так как поля c4 и c6 атакуются ферзем. Черные используют механизм защиты Барулина — **1... ♖b5** или **1... ♖b6**, развязывая белую пешку. Белые должны играть точно: в первом случае только **2.f3x**, во втором — **2.f4x**. Этот вид комбинации М.М.Барулин назвал «нейтрализующими включениями».

Отличная задача на тему «нейтрализующих включений» победила на конкурсе журнала «Проблем».

«Problem»

1932, 1-й приз

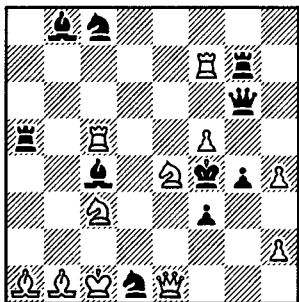
Мат в 2 хода

1. ♖d5! с угрозой 2. ♜c3x; 1... ♜d7 2. ♖fe3x (2. ♜e3?) и 1... ♜e4 2. ♖de3x (2. ♜fe3?). Дополнительные варианты: 1... ♜d5 2. ♖d6x и 1... ♜b5 2. ♖b6x.

И еще одна задача с «нейтрализующими включениями», высоко оцененная автором.

«Шахматы в СССР»

1931, 1-й приз

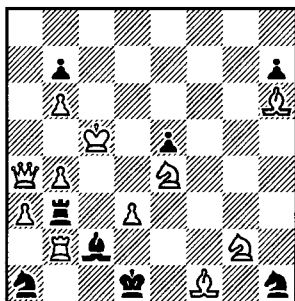
Мат в 2 хода

1. ♖f6! 1... ♜d3 2. ♖fd5x; 1... ♜e2 2. ♖cd5x. Дополнительные варианты: 1... ♜f5 2. ♖h5x (в начальной позиции был готов мат 2. ♜f:f5x); 1... ♜d6 2. ♜e5x и 1... ♜e3 2. ♜g3x.

В матче проблемистов Москвы и Ростова на одной из досок была задана тема «Блок с новейшей темой в решении».

Матч Москва — Ростов

1930, 4-й приз

Мат в два хода

В начальном положении полная полусвязка: 1... ♜:d3 2. ♜b1; 1... ♜:d3 2. ♖c3x. Решает 1. ♜d7! Первым ходом иллюзорная игра разрушается и создается механизм «защиты Нитвельта»: 1... ♜:d3 2. ♖c3x; 1... ♜:d3 2. ♜e2x.

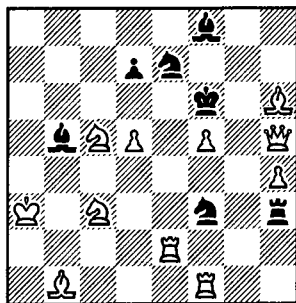
Когда в 1934 году было учреждено звание «мастер спорта по шахматной композиции», то одним из первых его был удостоен Михаил Михайлович Бару-

лин. С 1935 года он редактировал отдел задач в газете «64», а позднее в журнале «Шахматы в СССР». В 1939 году он перешел на штатную работу в газету «64» — заведовать отделом писем. Его дочь, Любовь Михайловна, рассказывала автору, что отец приходил из редакции с папками, набитыми письмами.

В начале 30-х годов вскоре после ареста Л. Б. Залкинда было ликвидировано возглавлявшееся им Общество любителей шахматных задач и этюдов и вместо него образована Центральная комиссия по композиции, ответственным секретарем которой вплоть до своего ареста в 1941 году был М. М. Барулин. При этом он продолжал составлять задачи, которые завоевывали высшие отличия на крупнейших конкурсах.

Конкурс «Радио Барселоны»

1935, 1-й приз

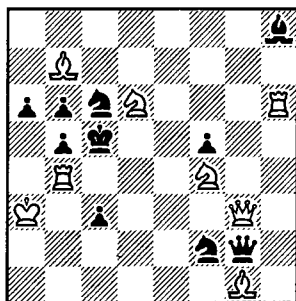

Мат в 2хода

1. ♖e8! ♜e5 2. ♜5e4x (2. ♜3e4?) и 1... ♜:f5 2. ♜3e4x (2. ♜5e4?). Черные кони в идейных вариантах блокируют разные поля, при этом они еще и включают белые фигуры. Дифференциация матов определяется связыванием белых фигур.

Конкурс Парка культуры и отдыха

1939, 1-й приз

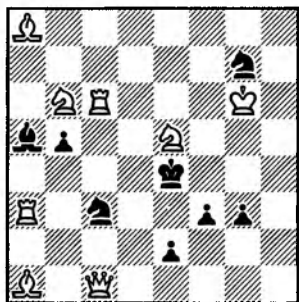

Мат в 2хода

1. ♜a8! угроза 2. ♜b7x; 1... ♜c~ 2. ♜d3x и 2. ♜e6x, продолженная защита конем c6 от одной из повторных угроз 1... ♜:b4 2. ♜e6x; 1... ♜d8 2. ♜d3x и от двух угроз — 1... ♜d4 2. ♖:c3x; 1... ♜e5 2. ♖e3x. Оригинальная трактовка темы продолженной защиты.

Шахматы в СССР

1940, 1–2-й приз

Мат в 2 хода

Прикосновение мастера к теме перемены. В начальной позиции на движения черного короля готовы ответы: 1... ♗d4 2. ♜f4x и 1... ♗:e5 2. ♜e3x. В решении после 1. ♔f3! с угрозой 2. ♛:c3x меняются свободные поля у черного короля и матует уже ладья, по-прежнему ис-

пользуя связку коня: 1... ♗d3 2. ♛d6x и 1... ♗:f3 2. ♛c4x.

На квартире у М. М. Барулина частенько устраивались «шахматные собрания». Завсегдатаями тех встреч были шашечный мастер Д. Г. Гинзбург, художник Ю. В. Юзепчук, запечатлевший в своих дружеских шаржах чуть ли не всех известных шахматистов, и маститый уже в ту пору мастер и журналист М. М. Юдович.

«Шахматные вечера» внезапно прекратились, поскольку в ночь на 13 ноября 1941 года М. М. Барулин был арестован. Одно время ходил слух, что причиной ареста послужил донос, в котором сообщалось, что хозяин квартиры рассказывает собравшимся антисоветские

анекдоты. Потом М.М.Барулина вроде бы собирались выпустить, да «не успели» — Михаил Михайлович умер в тюрьме. В «Шахматном словаре» (1964 г.) указывается год смерти — 1942.

Дочь М.М.Барулина Любовь Михайловна рассказала автору этих строк:

— За несколько дней до ареста отца к нам прибежала взволнованная жена Юзепчука с сообщением, что ее мужа «взяли». Вскоре после ареста моего отца меня вызвали к следователю. Я поняла, что по тому же делу проходят еще многие, среди которых известные мне Ю.В.Юзепчук и Д.Г.Гинзбург... От отца мы получили лишь одно письмо

(«треугольник»), из которого узнали, что он находится в следственной тюрьме в Казани. Вскоре после войны к нам в квартиру как-то зашел человек в потрепанной одежде, с видом «лагерника». Он рассказал, что сидел некоторое время в одной камере с М.М.Барулиным. Отец в условиях тюрьмы составлял задачи, а сокамерников учил играть в шахматы. На допросах Михаил Михайлович держался стойко, несмотря на применявшиеся к нему меры физического воздействия, так и не подписал признаний в совершении «преступлений». Тот необычный визитер собирался зайти еще и порассказать, но больше не заходил. Может

352

СССР

Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР

в городе МОСКВЕ

СПРАВКА

14 ноября 1981 г.
№ 6/1-3981
гор. МОСКВА

Гр-н БАРУЛИН Михаил Михайлович, 1897 года рождения, согласно материалам следственного дела, 13 ноября 1941 года был арестован и, находясь в местах заключения, 25 мая 1948 года умер.

МИНИСТЕРСТВО СЛОВА И ДЕЛ ПРИ СМ СССР
ГОРОД МОСКВА

Гинзбург
Гинзбург 1

быть, просто побоялся лишней раз посещать квартиру «врага народа».

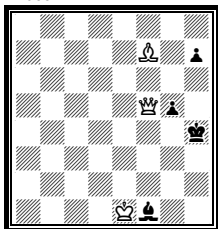
Любовь Михайловна, а с Юдовичем вы после ареста отца виделись?

Нет. Впрочем, был случай. Как-то заглянула с подругой в кафе, что размещается на первом этаже Центрального шахматного клуба. Вдруг услышала реплику: «А вот и Юдович». Я машинально взглянула в направлении входной двери и как будто встретилась взглядом с Юдовичем. Мне показалось, что он узнал меня, хотя прошло столько лет. Юдович вскоре покинул кафе. А буквально через пару недель я узнала о его смерти.

Л.М.Барулина хранит две справки, полученные еще в 1957–1958 гг.: одну из Прокуратуры СССР, другую — из Московского управления КГБ. Из этих справок явствует, что умер М.М.Барулин в местах заключения 23 мая 1943 года, а через два с половиной месяца после кончины дело его было прекращено «за недоказанность обвинения». И не так уж трудно понять сегодня, что скрывается за сухим слогом справок. Скорее всего, Михаил Михайлович не вынес тюремного режима. Он до конца оставался стойким, не подписывал фальшивых «признаний», которые ему подсовывали.

М.Барулин

«300 шахматных задач»
1933

#2 1.Le6! 3+4

БАРУЛИН Михаил Михайлович

*19.10.1897г., Москва - + 23.05.1943г., там же.

Разделы: #2, #3, #N, EG, h#, S#, RA, F. Миниатюра.

Редактор разделов задач:

газета «64»	1935-1941
журнал «Шахматы в СССР»	1938-1941

БАРУЛИН М.М., ГУЛЯЕВ А.П., ИСАЕВ Л.А.

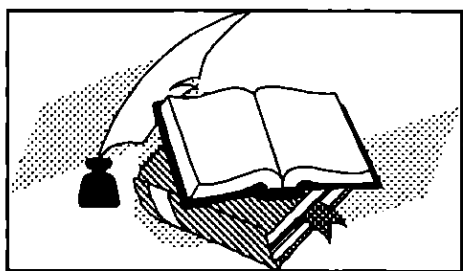
300 ШАХМАТНЫХ ЗАДАЧ. Москва-Ленинград.
«Физкультура и туризм». 1933. 192с.:321д.

Статьи Барулина М.М.

- ◇ **Белые комбинации в двухходовой задаче.** «ЗиЭ» 1928, №2.
- ◇ **Новые возможности в белых комбинациях.** «ЗиЭ» 1928, №3.
- ◇ **Развитие идеи «белых комбинаций».** «ЗиЭ» 1929, №6.
- ◇ **К защите Шифмана.** «ЗиЭ» 1929, №7.
- ◇ **Антикритический ход в двухходовке.** «ЗиЭ» 1930, №8.

РУДИНА
КЕРА
ТРОВА
ЛЮБИ
ЛЮБИВА ММ
1897 - 1943

Заметной вехой в отечественной композиции стала знаменитая полемика, развернувшаяся на страницах журнала «Шахматы в СССР» в 1936 году, и завершившаяся специальным Постановлением Исполкома шахсекции от 27 января 1937 г. и передовой статьей того же журнала «За перестройку работы советских композиторов» (№3, 1937).

Суждения, высказанные авторами статей «Сумбур в композиции» и «Сумбур в мыслях», не потеряли актуальности и поныне (чтобы написал М.М. Ботвинник, увидев современные двухходовки!?). Учитывая, что большинству читателей «ШК» материалы той полемики малодоступны, мы решили их перепечатать, чтобы каждый проблемист и решатель мог сегодня беспристрастно оценить правомерность высказываний будущего чемпиона мира, патриарха шахмат и «отца современной двухходовки».

**М.М. БОТВИННИК
Л.Ф. СПОКОЙНЫЙ**

«По производству ходиков советские часовые фабрики удерживают первое место в мире»

(Из фельетона М. Кольцова).

СУМБУР В КОМПОЗИЦИИ

Время от времени на страницах нашей печати появляются статьи, в которых идеологи задачной композиции пытаются в сотый раз пережевывать старую, всем давно набившую оскомину, тему о колоссальном значении задачной композиции и о тех несправедливостях, которые ей чинят шахматные организации. Не страдая излишней скромностью «вожди от композиции» усиленно набивают себе цену, расхваливая себя, как советских композиторов: «ни в одной стране», «советская школа», «первая в мире» и т.д. Если случается встретить возражения на подобную статью, то они принадлежат композиторам другого города или лагеря и сводятся к тем же самым перепевам, не затрагивающим, однако, суть дела.

Между тем, давно наступило время пересмотреть идеологические позиции наших композиторов и указать им на их заблуждения и ошибки. Вначале целесообразно заняться этим шахматистам-практикам, которые не погрязли еще в тине «продолженных защит» и «комбинаций в попытке», и поэтому могут беспристрастно подойти к оценке современных задачных идей. Ведь не напрасно утверждает т. Барулин («64», №11), что шахматная композиция «родная сестра» практической партии; так кому же, как не брату, поучать родную сестру, если она сбилась с правильного пути.

Но дело в том, что мы, шахматисты-практики, считаем, что современная задачная композиция состоит не в столь близком родстве с шахматной партией. Этюд не теряет тесной связи с практической партией, он действительно приносит

большую пользу практику, задачная же композиция в известной своей части с каждым годом все дальше и дальше отходит от нее, и связь ее с шахматной партией с точки зрения идейного содержания в настоящее время более чем эфемерна.

Основное в шахматах – практическая игра. Все остальное: теория дебютов, задача, этюд играют подчиненную роль, и нам нужны лишь поскольку они помогают развитию практической игры. Шахматная задача исторически выросла из практической партии, все больший отход ее в сторону отвлеченного творчества делает ее существование с точки зрения шахматиста-практика просто ненужным.

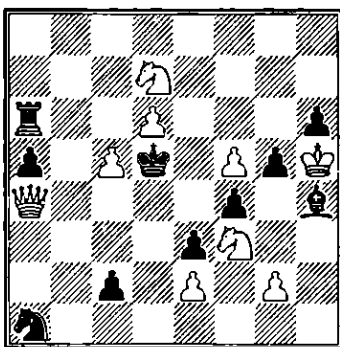
Композиторы пытаются утверждать, что современная задачная композиция учит «по настоящему разбирать сложные позиции, ценить материал, знать доску и силу отдельных фигур, приобретать точность анализа и, наконец, понимать шахматную красоту» (Барулин). Всеми этому современная задачная композиция вовсе не учит.

Что ждет шахматист-практик от задачи? Во-первых, он ищет в ней ярко-выраженную идею, напоминающую ему идеи практической партии. Во-вторых, он хочет, чтобы эта идея была бы замаскированной и трудно находимой и, в-третьих, чтобы эта идея была бы художественно выражена.

Вместо всего этого композиторы преподносят ему позиции, по идеям ничего общего не имеющие с партией, в некоторых случаях (сказочные шахматы) составленные даже не по правилам шахматной игры. «Через композицию, - говорит Барулин, - шахматист вводится в мир шахматных идей и комбинаций, которые он в практической партии никогда не встретит». Вот в чем дело! Композиторы разрабатывают идеи, не встречающиеся в практике шахматиста, совершенно игнорируют его требования, а после этого удивляются, что задачами мало интересуются.

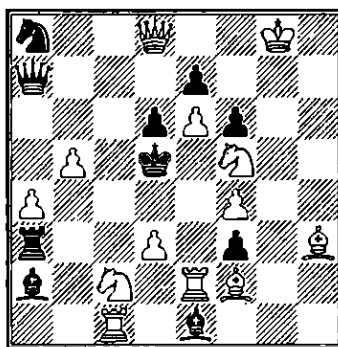
Что касается трудности решения, то вопрос сводится к знанию некоторых технических приемов, которые позволяют без всякого труда разгадать механизм задачи.

Характерно, что задачная композиция вполне сознательно встала на путь «наименьшего сопротивления» по сравнению с тем, который ставило перед ней идейное сближение с практической партией. Именно этим «наименьшим сопротивлением», по-видимому, объясняется пристрастие наших композиторов к двухходовкам, а не трехходовкам, обнимающим более широкий диапазон идей, но технически труднее осуществимым.

Мат в 3 хода

ed 3.e4#, 1... ♖:d6 2. ♘de5! ♜:c5 3. ♝:a5#.

Мат в 2 хода (1. ♝d8-c8)

Укажем здесь хотя бы на задачу №1797 Л.И. Куббеля, получившую I приз в нашем конкурсе трехходовок, с нашей точки зрения вполне приемлемую.

1.g4! (угроза 2. ♝e4+! ♜:e4 3. ♘f6#), 1...fg 2. ♘d2!

Спросите квалифицированных шахматистов, почему они скептически относятся к композиции, и вы получите приблизительно такой ответ: «В кривое зеркало можно смотреть один-два раза, не больше».

Возьмем для примера задачу Барулина, получившую II приз на конкурсе VII Всесоюзного съезда.

«Блестящая», по-видимому, задача, но что она может дать шахматисту-практику. Кроме вреда, ничего! Неужели ему нужны эти «белые клапаны» и «нейтрализующие включения», искусственные вычурные идеи, которые не могут встретиться в шахматной партии? Безусловно нет!

Соль вопроса, конечно, заключается не в наивных попытках композиторов оправдать свое существование. Все современное течение в композиции, в первую очередь в двухходовке, которая с исключительным вниманием насаждается советскими композиторами, может быть определено двумя словами – «формалистическое трюкачество». Надуманные идеи, совершенно не связанные с практической партией, голые технические приемы, построенные на искусственном движении фигур, вычурные неестественные построения – вот что характеризует современную двухходовку. Те же идеи пытаются перенести на трехходовку, а «сказочные шахматы» являются, так сказать, квинтэссенцией сумбура в композиции.

Весь этот багаж мы получили с Запада. Спрос вызывает предложение, и ни для кого не секрет, что наши композиторы очень равнодушны к своим успехам в заграничных конкурсах. То, что Исаев усовершенствовал ту или другую тему, а Барулин разработал «белые комбинации», не делает еще советской школы, и в этом утверждении заключается еще одна принципиальная заблуждение наших композиторов.

Мы не собираемся умять, но считаем нужным и не преувеличивать достижения наших композиторов. Хвастливые, но глубоко ошибочные заявления вроде того, что «половина нашей многомиллионной (?) армии шахматистов пришла к шахматам через газетную диаграмму» относим к числу тех, одно из которых служит эпиграфом нашей статьи.

Наши выводы сводятся к следующему: советская задачная композиция, вопреки утверждениям буржуазных идеологов и их последователей в СССР, должна сделать крутой поворот в сторону шахматной партии. Только при сближении идей задачной композиции с практической партией она может рассчитывать на соответствующее нашему движению распространение. Технические и творческие ресурсы наших лучших композиторов достаточно хорошо известны, чтобы сомневаться в возможности выполнения поставленного перед ними требования. Дело самих композиторов определить идейные и художественные рамки, в которых они могут работать, шахматисты же практики всегда смогут дать достаточно объективную оценку достижений в борьбе за новое направление.

Во всяком случае наступил момент, когда формализму в задачной композиции должна быть объявлена беспощадная война, как это сделано уже на фронте искусства.

СУМБУР В МЫСЛЯХ

Проблема взаимоотношения шахматной партии и задачи привлекла к себе внимание гг. Ботвинника и Спокойного, опубликовавших в журнале «Шахматы в СССР» №3 статью принципиального порядка.

Смысл и существо комбинаций в шахматной задаче сводится к выражению заранее намеченной идеи, к разработке шахматных идей, вытекающих не из партии, а из существа шахматных законов и правил. Проблемист исходит из теоретической их возможности и воплощает эти комбинации в своих произведениях.

В партии главное – это борьба. Ценность самой комбинации как таковой, весьма относительна. Шахматист всегда предпочтет красивой комбинации ничью выигрыш «тихой сапой».

Задачные комбинации встречаются в партиях очень редко, как исключение. Почему? Потому, что там сидят два «проблемиста» один против другого. Они работают одновременно на одной доске, причем один создает комбинацию, а другой ее разрушает. В этом смысл самой шахматной игры, вся прелесть и увлекательность борьбы в шахматах.

В композиции дело обстоит совершенно иначе. Здесь один работает и за белых, и за черных. Дать не любой мат, а дать его в строго определенных формах, в строго логической последовательности ходов – к этому стремится эта воля, эта мысль. Поэтому здесь комбинации получаются совсем другие – и по содержанию, и по смыслу. У проблемиста свой взгляд и на красоту замысла и позиции, свое понимание экономии, свое трактование стратегических и логических идей.

Подчинение единой воле композитора, шахматные фигуры (белые и черные) выявили огромную комбинационную силу. Оказалось возможным создание множества новых комбинаций – таких, которые в практической партии никогда бы не встретились. С этого момента только и началась такая работа в области составления задач и этюдов, которую смело уже можно назвать работой творческой.

Что в основном характеризует творческую работу по составлению задач? Ответ здесь может быть совершенно четкий – поиски новых комбинаций, которые возможны на шахматной доске в результате взаимодействия фигур (белых и черных), действующих по установленным в практической партии законам. Современная классическая задача (не «сказочные шахматы») признает и условность начальной позиции практической партии и в своих построениях теоретически всегда исходит от нее.

Существо творческой работы проблемиста в том и состоит, чтобы искать новое, и это новое выразить в экономической и художественной форме. Композиция имеет свои собственные законы логического и художественного порядка, определившиеся в результате многовекового исторического пути. И если в практической игре шахматист ищет разрешения проблем шахматной борьбы, задачная композиция занята разработкой проблем шахматных комбинаций. Нельзя путать этих понятий.

Установив эти бесспорные положения, мы можем обратиться к статье гг. Ботвинника и Спокойного и констатировать для начала их полную «беззаботность» по части доказательства своего, якобы принципиального взгляда на шахматное искусство. Авторы исходят из того, что основное в шахматах – партия, а все

прочее допустимо лишь постольку, поскольку служит ей. На чем базируется такая позиция? На том наивном утверждении, что задача возникла из партии. Однако новые отрасли спорта или искусства не всегда живут только по указке своего «родителя». Они естественно начинают развиваться по новым, своим законам, и это нужно приветствовать. Было бы смешно, если бы футболисты и волейболисты затеяли спор о том, какой вид игры в мяч возник раньше, и кто кому должен подчиняться. А гг. Ботвинник и Спокойный обсуждают аналогичный вопрос с сугубой серьезностью.

Как бы посмотрел г. Ботвинник на игрока пятой категории, который стал бы с видом знатока рассуждать о творчестве Ласкера, Эйве и самого Ботвинника и, скажем требовать «беспощадной борьбы» с разными «заумными» ново-индийскими партиями, меранской защитой и т.п. Тов. Ботвинник, вероятно, посмеялся бы над таким чудачком. Но авторы рассматриваемой нами статьи без улыбки анализируют задачные произведения, обнаруживают в них «сумбур», «формализм» и прочие смертные грехи и требуют от проблемистов таких задач, которых вообще нет и быть не может.

Кстати, почему задача Л.И. Куббеля оказалась для авторов статьи приемлемей задачи Барулина? Какое отношение имеет куббелевская задача (три так называемых правильных мата, стандартная жертва ферзя) к шахматной партии? В чем здесь родство задачи с практической партией?

Авторы явно противоречат сами себе. Кроме того – нельзя сравнивать двухходовку с трехходовой, как нельзя сравнивать ферзевый дебют с пешечным эндшпилем.

Что же пропагандируют авторы статьи? Они рагуют за то, чтобы проблемисты разрабатывали только такие идеи и комбинации, которые могут встретиться в шахматной игре, т.е. занялись бы составлением только так называемых учебных задач и этюдов. Но ведь это работа чисто педагогического порядка, а не творческого! Это же совсем не то, что называется шахматной композицией.

Казалось бы, совсем не трудно понять столь простую истину, но тут выступает на сцену своеобразное шахчванство. Как смеют какие-то проблемисты создавать такие произведения, которые непонятны шахматным игрокам? Как смеют они говорить о ценности шахматной задачи, не заручившись разрешением от практических игроков? И на головы непокорных проблемистов обрушиваются гром и молнии. Они и «набивают себе цену», и чуть ли не спекулируют на шахматном движении. На подобные выпады просто не хочется отвечать. Во всяком случае, факт остается фактом: советские проблемисты внесли в современную композицию не меньше, чем советские мастера-практики в современную шахматную партию.

Что же касается остроты по поводу ходиков, то она была бы забавной, если не была бы одновременно и по задаче, и по шахматной партии. Если в общем плане культуры и искусства шахматная композиция только ходики, то ведь и шахматная партия не больше, чем будильник. Чванство здесь явно не уместно.

Нам кажется, что все «недоразумения» между проблемистами и практиками происходят от того, что последние выдвигают обычно в корне неверную концепцию природы и существа шахматного искусства вообще. И вследствие этого приходят к глубоко ошибочным выводам.

Когда пытаются без оговорок утверждать, что шахматы – искусство, или что шахматы – наука, то впадают в глубокую, принципиальную ошибку.

Сущность шахматного искусства весьма отлична от других видов искусства.

Искусство имеет своим предметом природу и человека. Существует выражение, которое, по нашему мнению, дает достаточно яркое выражение этому положению: «искусство – это итог, который воображение подводит природе». Само собой разумеется, что материалом искусства является жизнь человеческой личности в ее социальном бытии.

Шахматы, шахматное искусство – целиком плод человеческой фантазии, и потому оно отвлеченно по своей природе. Оно – «насквозь формально», как правильно утверждает И. Д. Кацеленбоген в своем предисловии к книге «300 задач».

Поэтому грубейшей ошибкой является механическое перенесение в шахматы тех определений, которые применяются к искусству в его многообразных проявлениях. А авторы статьи именно так и поступают.

Искание какого-то особого шахматного реализма в канонах практической партии – это явно обывательское представление, обывательское определение. Филистерством звучит оно.

Подлинная природа шахмат – свободное движение человеческой фантазии в пределах 64 клеток и ведущих на них свою фантастическую жизнь фигур. И если уж говорить о реализме в шахматах, что он и заключается в этом свободном движении фантазии. Никаких других «измов», перенесенных из других областей подлинного искусства!

Шахматы, конечно – и не наука. Законы движения шахматных фигур – что в них общего с законами физики, химии и других наук? Ровно ничего. У Бильгера есть целые таблицы вариантов ферзевого гамбита. Однако стоит только в начальной позиции партии переставить коня и слона местами (как это предлагает Капабланка) – и вся ценность этой «науки» будет сведена к нулю.

Что все это значит? А значит это, что в шахматах нужны свои мерки, свои определения. Шахматное искусство имеет свои законы развития, вытекающие из его условной, отвлеченной природы.

Есть еще один вопрос, который авторы статьи обошли молчанием, но который имеет существенное значение для нашей дискуссии. Это вопрос об общественной значимости разных видов шахматного искусства. Споры нет, шахматная партия получила гораздо большее развитие, чем композиция. Мы далеки от мысли в какой-то степени умалять общественно-культурное значение шахматной партии. Но мы имеем право требовать, чтобы шахматные организации уделяли часть своего внимания и развитию композиции, как равноправной ветви нашего движения, и чтобы композицию не третировали свысока. То обстоятельство, что нас сравнительного немного, никого не должно смущать.

Мы вправе требовать, чтобы шахматные организации уделяли нам свое внимание потому, что шахматная композиция является у нас мощным орудием привлечения к шахматному искусству новых кадров, потому, что само занятие композицией интеллектуально развивает человека, как и всякое творчество художественного порядка.

Мы по-прежнему считаем, что культура шахмат обнимает собой две самостоятельные области – шахматную партию и шахматную композицию. И лозунг культурности шахматиста понимаем, естественно, в соответствии с этим определением.

Если бы гг. Ботвинник и Спокойный поменьше щеголяли взятыми напрокат «измами», то, мы уверены, в их статье было бы меньше сумбура и необоснованных претензий.

О СТАТЬЕ т. БАРУЛИНА

Нет никакого сомнения, что наши читатели разберутся – где же действительно имеется сумбур – в композиции, или, как думает т. Барулин, в мыслях гг. Ботвинника и Спокойного.

Тов. Барулин возмущен претензиями авторов статьи о композиции. Его возмущение базируется на абсолютном непонимании содержания статьи. Авторы не требовали упразднения ни шахматной композиции, ни даже двухходовок. Они всего только указали на то, что в СССР, где всякое искусство существует для масс, в частности, и задачная композиция должна считаться с интересами массового шахматиста. Массовый же шахматист – это, конечно, прежде всего шахматист-практик, интересующийся и квалифицирующийся в шахматной игре.

Вольно, конечно, т. Барулину с высот его задачного Олимпа возмущаться чванством шахматситов-практиков. Однако, если т. Барулин мнит свою задачную деятельность абсолютно автономной и самодовлеющей, то тем хуже не для массового шахматного движения и не для шахматной композиции, которая будет развиваться именно по линии связи с шахматной партией; тем хуже только для т. Барулина и ему подобных композиторов, неизвестно кому нужных. Теория искусства для искусства в СССР решительно осуждена и нашим задачным композиторам это хорошо известно.

Мы полагаем, что Исполбюро Всесоюзной шахсекции скажет по всем этим вопросам свое веское слово, которое определит дальнейшее развитие нашей этюдной и задачной композиции.

М. Ботвинник, Л. Спокойный.

«Шахматы в СССР», №7, 1936

Через 50 лет в своем сборнике «Аналитические и критические работы. Статьи и воспоминания» (ФиС, 1987) М.М. Ботвинник изменил свой взгляд на задачную композицию:

«Статья «Сумбур в композиции» написана вместе с профессором Л.Ф. Спокойным. Он преподавал философию, был тогда редактором журнала «Шахматы в СССР», однако шахматистом слабым. Поэтому шахматную часть статьи писал я, идеологическую – Спокойный. Вследствие этого читатель найдет здесь то, чего в других моих статьях нет. Уже даже название имело «политическую окраску»: незадолго до этого в «Правде» была опубликована статья «Сумбур вместо музыки» с малооправданной критикой в адрес великого нашего музыканта Д. Шостаковича. Впрочем, должен оговориться, что критика в обсуждаемой статье о композиции и сейчас представляется мне вполне принципиальной и обоснованной.

Единственное, что я сейчас не могу принять – отрицательное отношение к задачной композиции. Хотя задачи в известной степени независимы от практической игры, они несомненно способствуют популярности шахмат».